

© А.А. ОХАЛИНА, С.М. БЕЛЯКОВА

griana31@mail.ru

УДК 81'42: 2 — 13

**САКРАЛЬНОЕ И ПРОФАНОЕ ВРЕМЯ
В РОМАНЕ М. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»**

АННОТАЦИЯ. В статье на основе анализа дихотомий будни-праздники, пост-мясоед рассматривается сакральное и профанное время в романе М. Шолохова «Тихий Дон», а также способы его выражения. В результате исследования сделан вывод, что церковный календарь стал основой практического опыта казаков, пользующихся относительной хронологией.

SUMMARY. In this article sacral time and profane time and their portrayal in M. Sholohov's novel 'Quiet Flows the Don' are examined, based on analysis of the dichotomies workdays — holidays, fast — myasoyed (when meat-eating is allowed). The article comes to the conclusion that the Church calendar has become the basis of the practical experience of Cossacks, using relative chronology.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Сакральное время, профанное время, темпоральные дихотомии, будни, православные праздники.

KEY WORDS. Sacral time, profane time, temporal dichotomy, Christian holidays.

Новым поворотом в изучении лингвистикой категории времени стало ее осмысление на стыке языка и культуры, что представляется актуальным с учетом последних тенденций отечественного и мирового языкознания и проблематики антропологической и когнитивной лингвистики. Необходимость сопоставления фактов языка с фактами культуры, мировоззрения заявлена в работах Е.Л. Березович, Д.А. Катунина, М.М. Маковского, Л.Н. Михеевой, В.М. Мокиенко, С.Е. Никитиной, Л.Н. Плахотнюк, Е.А. Супруна, Н.И. и С.М. Толстых, П.П. Червинского, Т.В. Цивьян и др. Нет сомнения, что время согласуется с астрономическими и земными физическими законами, но каждый исторический тип культуры также демонстрирует свою трактовку времени, которая связана с особенностями жизни конкретного общества. Так, например, на собственно темпоральную организацию бытия накладывается смысловая оппозиция «сакральное — профанное». Любое религиозное представление о мире строится на противопоставлении сакрального и профанного. Две эти области, в которых протекает жизнь религиозного человека, взаимно исключают и взаимно предполагают друг друга. По мнению социолога В.И. Гараджи, «...эти два рода вещей — сакральное и профанное — не могут сближаться: от соприкосновения с профанным сакральное утрачивает свои особые качества. Профанное и сакральное должны быть разделены, изолированы друг от друга, и в то же время — они оба необходимы для жизни: первое — как среда, в которой разворачивается жизнь, второе — как то, что ее творит, как сила, от которой человек зависит и все-таки может решиться уловить ее и употребить в своих интересах» [1; 103]. Р. Кайуа, исследуя сакральное и профанное, пишет,

что эти два мира могут быть определены лишь один через другой, они взаимно исключают и взаимно предполагают друг друга. Сакральность принадлежит как свойство некоторым вещам (предметам культа), некоторым людям (святым), некоторым пространствам (церкви), некоторым моментам времени (дням Пасхи, Рождества и т.д.) [2], поэтому в культуре выделяется ритуальное (обрядовое, сакральное) и обыденное (профанное) время. Сакральное время обычно устанавливается посредством календаря в виде общих празднеств, оно связано с коллективными, ритуальными, высшими ценностями, в то время как профанное — с индивидуальными устремлениями, сферой быта, труда. Сакральным календарем является и православный календарь, который определяет соотношения между астрономическими реалиями и священными событиями, поэтому не только моменты праздников, но и промежутки времени между ними наполняются особым смыслом и получают символическое значение.

С этой точки зрения представляет интерес сакральное и профанное время в романе М. Шолохова «Тихий Дон», которое представлено темпоральными оппозициями *праздники-будни, пост-мясоед*.

Следует отметить, что понятия, соотносимые с группой «будни», не членятся и в силу этого могут быть названы только днями недели. Лексемы, представляющие данную группу, в тексте немногочисленны: *будни* — 6, *будничный* — 3, *будний* — 2, *буднишний* — 1, *буднично* — 1. Будничное поведение взрослых слагалось из активной бытовой деятельности — работа, свершение жизненно важных дел и событий (семейные заботы, обучение детей, лечение больных, помощь старым, общение с соседями, гигиена и пр). Профанное время характеризовалось четкостью временно-пространственных отрезков и их наполнений, чередованием работы и отдыха, умеренностью в быту (пища, одежда, общение и т.д.). Трудовой распорядок дня определялся с вечера дня предыдущего. Взрослые — главы семьи, мужчины и женщины — давали утренние задания (до обеда) всем остальным членам: мужчины — мужчинам, женщины — женщинам. Так, Луканична, хозяйка мелеховского куреня, распределяла обязанности между снохами: *Поспи, поспи, моя чадунюшка! Чего вскочила? — ласково бубнила она, переставляя по кухне дородные ноги. — Иди, позорюй, без тебя управимся. Наталья, вставшая с зарей, чтоб помочь в стряпне, уходила в горницу досыпать* [3; Т.1; 97]. Утренняя деятельность от пробуждения до обеда обычно протекала в пределах дома — двора независимо от сезона, за исключением горячей земледельческой страды. В осенне-зимний период женщины, как правило, работали дома (и во дворе), мужчины, в зависимости от рода местных сезонных работ и от возраста (старики всегда оставались дома), распределяли свою деятельность в пределах дома — двора или вне его. Разумеется, это распределение складывалось не в течение дня, но оценка конкретной ситуации и возможные изменения решались по ходу. Время перед ужином и после него взрослые, как правило, проводили дома, занимаясь уже менее значительными домашними работами, в разговорах с семейными, подытоживая дневные дела и подготавливаясь к следующему дню; в это же время ходили в «будничные» гости. После ужина взрослые члены семьи готовились ко сну: *В горенке сидел дед Гришака, читал затрепанное, закапанное воском, в кожаном переплете Евангелие. Мирон Григорьевич в кухне довязывал крыло к вентеру, слушал рассказ Михея о каком-то давнишнем убийстве. Мать Натальи, уложив детей спать, спала*

на печке, оставив в дверь черные подошвы ног [3; Т.1; 153]. Формы проведения будничного досуга, различаясь соответственно природе полов, носили у мужчин и женщин в целом замкнутый характер. Мужчины, в какое бы время года и где бы ни собирались, обсуждали хозяйственные и общественные дела, слушали рассказы стариков, солдат, странствующих ремесленников, «сказывали» (анекдоты, сказки, былички), читали вслух, пели мужские песни, пили, играли в карты. Вот разговор Степана с Аксиньей:

- К Аникушке пойду, посижу трошки.

- И когда ты находишься? Искоренили карты: что ни ночь, то им игра.

До кочетов просиживают.

- Но, будя, слышали.

- Опять в очко будешь играть?

- *Отвяжись, Аксютка. Вон человек ждет, иди* [3; Т.1;131].

Для мужчин, занятых игрой в карты, время проходит незаметно (*посижу трошки*), для женщин, которые ждут дома, время тянется долго (*до кочетов просиживают*). Сами же женщины никогда не бывали праздными: соединяя отдых с какой-либо работой, они обсуждали семейные дела, слушали рассказы богомолков, религиозное чтение, пели свои песни и т. д.: *Ожидая мужа, Пелагея горюнилась, скучала без людей, поэтому в пятницу созвала баб-соседок время разделить. Пришла Наталья с недовязанным крючковым чулком...* [3; Т.1; 152]. Главный смысл этого времени состоял в максимальном трудовом напряжении и четком распределении ролей всех взрослых членов общины, организации высших форм традиционных коллективов, концентрации всех годовых усилий — неритуальных и ритуальных.

Если будни осмыслялись как время, в которое человек должен заниматься мирскими делами, то праздник понимался как время слияния с божественным и приобщения к священной истории. В праздник люди должны достигнуть особого психофизиологического состояния полноты жизни, мироощущения, богоощущения, а также чувства внутреннего единения друг с другом. Праздник — это долг Богу, святое (божье), пустое от дел время, как отмечал В.Н. Топоров, — состояние, «когда время останавливается, когда его нет» («разрыв профанической действительности») [4], в будни же время, наполненное событиями, важными повседневными заботами, проходит быстро, незаметно (ср. *по будням серенькая работа неприметно сжирала время*). Таким образом, в субъективном восприятии время есть только тогда, когда происходит какое-то значимое событие, когда же ничего значимого не происходит, то нет и времени. Так сакральное время противопоставляется повседневности, то есть тому периоду жизни, в котором отсутствуют важные события.

Праздник обязывал людей нарядно одеваться, выбирать для разговора приятные, радостные темы, иначе вести себя, быть веселым, приветливым, гостеприимным, готовить особые кушанья, обильную еду: *Сдержанную радость выказывали и работники, постоянно жившие у Коршуновых. Они ждали щедрого от хозяина угощения и надеялись на пару свободных во время гульбы дней* [3; Т.1; 71]. *Ели, как всегда по праздникам, сытно и много* [3; Т.1; 506].

Праздники и будни противопоставлены во всем их объеме: образ жизни и деятельности — распорядок дня, дом и домашнее хозяйство, отношения внутри семьи и между односельчанами (трудовые, этические, ритуальные), пища

и особенно одежда: шаровары, юбки, так как по традиции у казаков вся одежда строго подразделялась на служебную, военную и домашнюю, последняя, в свою очередь, на праздничную и будничную: *будничные шаровары — праздничные с лампасами шаровары, будняя юбка — праздничная юбка, праздничные наряды, нарядилась будто на праздник*. К празднику убирали и мыли в избе, ставили в божницу праздничные иконы. Менялись система приветствий, обращений друг к другу (даже мужа к жене), при этом преобладали величания по имени-отчеству, содержание разговоров (о насущных хозяйственных делах старались не говорить): *Пантелей Прокофьевич, торжественный, как ктитор у обедни, дохлебывал щи...* [3; Т.1; 52]. *Ильинична, кургузая и важная, в палевой праздничной шали, тая в углах губ материнскую тревогу, взглянула на Григория...*[3; Т.1; 52].

Поведение людей в праздники обусловлено существующими в обществе традициями, поэтому нельзя не согласиться с Г.В. Калиткиной, которая исследуя профанные и сакральные циклы в говорах Среднего Приобья, делает вывод о зависимости от человеческой воли профанного времени и независимости сакрального. Так, инициатором будничной деятельности является человек, в праздник же существуют традиции, которые предписывают выполнение определенных действий (плясать, петь, гулять, наряжаться и т.п.) [5].

Сильным членом культурной оппозиции «будни-праздники» предстают праздники, которые маркированы определенной семантикой. Это следующие лексемь: *праздник (16), праздничный (6), празднично (1)*, а также конкретные номинации: среди них прежде всего главный праздник, обладавший, с точки зрения казаков, наибольшей сакральной силой, — *Пасха (15)*. Из числа Великих двенадцатых праздников встречаются в романе *Рождество Христово (11), Успенье (1)*, из великих недвенадцатых праздников *Покров Пресвятой Богородицы (8) и День святых апостолов Петра и Павла (1)*, а также *Троица (6), Масленица (8), Спас (5), Михайлов день (2), Вербное воскресенье (2), Святки (1)*.

Особый статус в культуре казаков имела Масленица, которая была наделена всеми атрибутами праздничного времени — разгулом и излишеством во всем. *К масленой блины с каймаком будем исть* [3; Т.1; 501]. *Отступить — так отступить, а не по родне ездить, это тебе не Масленица!* [3; Т.1; 495]. В последнем примере название праздника служит не наименованием определенного периода времени, а его характеристикой, причем явно с негативной оценкой: время безделья, праздности.

В православном календаре-месяцеслове почти весь год был расписан по православным праздникам или именам святых, память которых отмечалась в эти дни. Укоренившийся на Руси и, в частности, у казаков церковный месяцеслов получил самое широкое применение в народной жизни. Церковные праздники являлись ориентирами, с которыми казаки соотносили все наиболее значимые события своей жизни. Это **сельскохозяйственные работы**: *С Троицы начался луговой покос* [3; Т.1; 36]. *Выехал пахать за три дня до Покрова* [3; Т.1; 103]; **животноводство**: *Он до Покрова матку сосет* [3; Т.2; 595]. *К Михайлову дню овцы окотили по двойне* [3; Т.1; 342]; **природные явления**: *Перед Рождеством внезапно наступила оттепель* [3; Т.1; 351]. *На четвертой неделе поста сдала зима* [3; Т.1; 140]. *На второй день Рождества взломало Дон* [3; Т.1; 352].

Ростепель держалась до Михайлова дня [3; Т.1; 109]; **семейные события:** *рождение* *На Рождество исполнилось ей 17 лет* [3; Т.1; 521], *свадьбы* *Отложить свадьбу до крайнего Спаса* [3; Т.1; 61]. *Сводить жениха с невестой порешили на первый Спас* [3; Т.1; 68]. *На осенний мясоед назначили свадьбу* [3; Т.1; 31] и даже **исторические события:** *До Пасхи о войне не было ни слуху ни духу, а в страстную неделю прискакал нарочный* [3; Т.1; 556].

Вторая темпоральная дихотомия *пост-мясоед* противопоставляет время очищения времени «погрязания». Анализ лексики показал, что данная оппозиция представлена лексемами субстантивной семантики: *пост, мясоед, реже* процессуальной — *говеть, разговеться*. К этой группе причисляем также словосочетания *страстная неделя, страстная суббота, страстной четверг*, так как они относятся к понятию страстной недели — последней седмице Великого поста. Самая частотная лексема — *мясоед(6)* — это наименование периода, когда по уставу православной церкви разрешается мясная пища. В романе М. Шолохова мясоед упоминается преимущественно как время проведения свадеб, что является традиционным для русской православной культуры. В России браки заключались в определенную пору года. Самыми популярными были осенние и зимние мясоеды. Осенний начинался с Успения (28 августа/15 по старому стилю), продолжался до Рождественского (Филиппова) поста (28/15 ноября) и длился около тринадцати недель. В крестьянской среде свадьбы справляли с Покрова (14/1 октября), поскольку именно к Покрову завершались все основные полевые работы. Зимний мясоед начинался с Рождества (7 января/25 декабря) и продолжался до Масленицы, а так как Масленица — праздник, изменяющийся по срокам, зависящий оттого, когда празднуется Пасха, то зимний мясоед мог длиться от 5 до 8 недель. Этот период именовался свадебник и начинался на второй или третий день после Крещения Господня (19/6 января), поскольку, согласно церковному уставу, в Великие праздничные дни венчания в церкви не совершались: *В нынешний мясоед выдавать* [3; Т.1; 54]. *На осенний мясоед назначили свадьбу* [3; Т.1; 31].

Противопоставлены мясоеду *пост, страстная неделя*, которые характеризуют добровольным самоограничением в пище, развлечениях, общении с миром. Эта оппозиция представлена также однокоренными глаголами *говеть* (скудно питаться, поститься, воздерживаться от пищи) — *разговеться* (по прошествии поста поесть впервые скоромной пищи): *Вы бы, батя, на страстной неделе говели* [3; Т.1; 140]. ... *разговевшись, выехали казаки из хутора* [3; Т.1; 557]. Маркирующим элементом во всех перечисленных выше примерах является глагол (*отложить, выехать, видеть, проснуться* и т.д.), а уточняют время глаголов сказуемых конструкции с предлогами. Среди них можно выделить следующие:

Время сказуемого-глагола по отношению к определенному моменту времени:

«К» + дательный падеж (временной отрезок, представляющий собой конечную границу): *К Пасхе Наталье не шили обновы* [3; Т.1; 154]; «С» + творительный падеж (момент, представляющий собой начальную границу): *С Троицы начался луговой покос* [3; Т.1; 36]; «На» + предложный падеж: *На Масленицу зарезал зверь трех овец* [3; Т.1; 175]; «В» + винительный падеж: *Еще в прошлый мясоед наезжали сваты издалека* [3; Т.1; 64].

Необходимо отметить грамматическую синонимию конструкций с временными предлогами *на, в*, основой которой является наличие у предлогов индивидуально-

го лексического значения, довольно отчетливо проявляющееся в сочетании с именем в определенном падеже. Так, предлог *на* обозначает время деятельности, *в* — момент времени. Основной критерий установления синонимичности в данном случае — возможность взаимозаменяемости синтаксических моделей.

Время действия, названного сказуемым-глаголом, соотносящееся во времени с другим действием или граничащее с другим временным периодом:

Предшествующее действие

«До» + родительный падеж: *Отложить свадьбу до крайнего Спаса* [3; Т.1; 61]; «Перед» + творительный падеж: *Перед Пасхой он в письме прямо поставил вопрос...* [3; Т.1; 176].

Действие, совершающееся после названного отрезка

«После» + родительный падеж: *Вскоре после Рождества Пантелею П. на станичном сходе сообщил писарь* [3; Т.1; 352].

В силу того что некоторые праздники длятся несколько дней, в роли конкретизаторов выступают порядковые числительные или прилагательные со схожим значением: *На первый день Покрова Пантелей Прокофьевич проснулся раньше всех* [3; Т.1; 344]. *Сноха Астаховых божила, будто на второй день Троицы, перед светом, видела, как Прокофьева жена, простоволосая и босая, доила на их базу корову* [3; Т.1; 558].

Таким образом, православный календарь стал основой для систематизации привычного казачьего мира, практического крестьянского опыта, поэтому можно говорить о сакральном времени, представленном в романе М. Шолохова «Тихий Дон». Сакральная темпоральность развивается преимущественно в структурах повседневности, связана с рутинной, являющейся олицетворением циклического времени. Казаки, как правило, пользуются относительной хронологией, которая заключается в том, что временные рамки какого-либо события определяются не конкретными датами, а по отношению к религиозному празднику, посту или мясоеду, причем в сочетании с числительными они обозначают временные рамки с достаточной точностью.

Анализ лексики с темпоральным значением сакрального времени позволил выделить лексико-семантическую группу единиц годового цикла (названия православных праздников, религиозных постов) и лексико-семантическую группу наименований единиц недельного цикла (вербное воскресенье, страстной четверг). Их представляют прежде всего лексемы субстантивной семантики (собственно названия праздников), реже — процессуальной и атрибутивной семантики. Продуктивным способом выражения временных отношений является предложно-падежная форма слов (имен существительных) с темпоральной семантикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гараджа В.И. Социология религии. М: Инфра-М, 2005. 348 с.
2. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.
3. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман. В 4 кн. Кн. 1 и 2. Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1993. 591 с.
4. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.
5. Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 296 с.